

П. МАРКОВ

Радостное творчество

Канун войны наш театр встретил на далеком севере. В Доме Красной Армии и Флота шла «Периколла».

Здесь, в строгом северном городке, все казалось необычным: и неугасающая ночью лучи солнца, и низкие снежные скалистые берега узких фьордов, и отчетливая простота военного быта.

В эту сытную ночь немцы напали на нашу родину.

Перед каждым из нас, работников театра, во весь рост встали вопросы, отвечать на которые нужно было реальным творческим непосредственным делом. Когда-то, в первые годы гражданской войны, Бахтангов написал статью: «С художника спросится». И вот настало время, когда с художника вновь спросилось за два десятилетия его жизни, за удобные театральные здания, за все условия, обеспечивающие спокойную обстановку его профессиональной деятельности.

В тот же день в Мурманске еще не привыкшие к иванцам и частым тревогам, к оглушительному грохоту выстрелов, актеры собрались в Доме культуры и ишли для призывников песни советских композиторов, романсы Чайковского и Бетховена, отрывки Верди и Хренникова, задорные мелодии Оффенбаха и Лекюка. И вновь, как в годы гражданской войны, люди, которым вскоре предстояло на фронте защищать страну, смеялись, подпевали, плакали и благодарили актеров за эти их предотсальные часы.

И по возвращении в Москву, чем ближе приближался к Москве фронт, тем яснее становилась непосредственная, простая важность искусства. Театр не прерывал работу: энергично велись репетиции новых постановок, внимательно готовились концертные бригады, над каской висел аншлаги, и просительство оста-

навливали на углу прохожих охотники за лишним билетиком.

Изменилась жизнь, изменился внутри-театральный быт: не в смысле пренебрежения или отсутствия интереса к новым ролям. Нет, попрежнему и дышло с большой силой владеет актером жажда новой работы, и попрежнему, но с большей силой ползут творческие удачи и неудачи. Изменилось нечто гораздо более важное — изменилась самая атмосфера театра. И если мы раньше порою волновались личными успехами больше, чем театром в целом, то сейчас в театре со всей силой искривилась воспитанное десятилетиями, очищенное от всех приходящих мелочей, настоящее высокое чувство ответственности перед страной.

Это сознание ответственности слилось с таким же ясным и точным сознанием того, что только творчество — целеустремленное, полное и глубокое — дает ответ на вопросы, возникшие в первые часы войны. Сейчас нет и не может быть одной определенной и зафиксированной формы творческой деятельности театра. Театр должен сейчас обладать творческой организационной гибкостью. Он обязан расширить рамки своей деятельности и находить все новые и новые формы, исходящие из самого существа его искусства.

Музыкальный театр им. Станиславского и Мейерхольда-Дипичко переживает сейчас один из самых напряженных творческих моментов. Смысл творчества слился с переживаемыми днями — и в этом то завоевание, которым гордится каждый работник нашего театра, начиная от рабочего сцены и кончая первым солистом оперы.

В конце октября театр показал балет «Штраусиана». Премьера шла в обстановке очень суровой, но нам казалось, что

именно в это время московскому зрителю можно дать минуты светлой радости, которая помогла бы ему выйти из театра освеженным и бодрым. Мы не ошиблись. В этот день в театре было светло и радостно. И не говорю об эстетических качествах спектакля — может быть, зритель оценивал их более высоко, чем они заслуживают, — но я видел, как до зрителя доходил юмор положений, блеск музыки Штрауса, изобретательная выдумка балетмейстера, критическая окраска образов.

Театр еще не обладал оперой на советскую героическую тему, но он страстно хотел откликнуться на речь ноября 7 ноября на Красной площади. Он с радостью принял предложение о концертном спектакле «Герои русского народа», сделанное К. Канн и А. Попковым. Театр попробовал для себя новый жанр. Его хор еще никогда не выступал с концертным исполнением хоровых номеров. Здесь он выступил. Его оркестр еще не имел опыта симфонических выступлений, — здесь он играл Глинку, Чайковского, Прокофьева, Шавринова, Хачатуряна. Соплисты театра выжили в исполнении хоровых номеров, ансамблей, на который пала важнейшая часть подготовки концерта, отказавшись от выходных дней. И так же горячо, как горячо готовились наши актеры, приняли участие в концерте и актеры драматических театров, которым было поручено чтение стихов и отрывков. Так, в репертуар вошло своеобразное представление ораторного порядка, в котором героическое прошлое русского народа, — начиная от Александра Невского и кончая великой отечественной войной, — дано в музыкальных образах, подкрепленных соответствующим режиссерским построением.

С первого же дня войны концертная работа в Красной Армии стала неотъемлемой частью жизни коллектива, более того — его потребностью. Она заставила расширить репертуар певцов, повысить художественные требования, она научила, что нужно уметь улавливать особенности

аудитории и тут же на месте, почувствовав своеобразные обертонки, строить свои выступления.

Актеры приучились выступать на последних площадках, в окнах — всюду, где ждет их выступлений армия. Большие артисты актерского театра уже участвовали в выездах на фронт. Во многих частях у актеров завязались дружба и знакомство. Почти вся труппа, разбившись на бригады, встречала Новый год в красноармейских частях в Москве и на подступах к ней. Многие из актеров, которые в начале войны не могли без трюмпа говорить о первых полетах и бомбежках, не прекращают выступления при канонаде и под ее звуки, вместе с красноармейцами, поднимают погонный бойсала на предстоящую великую победу. Я не знаю отказов от выездов в концерты: во всяком случае они являются исключением, вызывающим резко отрицательные отношения со стороны товарищей по работе. Давно пришло ощущение нормированного и темпорированного дня. Армия и театр — неотделимы, и работа для нас — высокая, радостная и обильная творчеством.

В самые трудные моменты театр не прерывал подготовку новых больших спектаклей. Он хотел удовлетворить все богатство запросов зрителей. Он должен показывать героические образы и в то же время давать радость и прекрасный отдых. Перед театром встали — «скромный» выпуск монументальных полотен — опер, посвященных Суворову и Чапаеву. Окончание «Сказок Гофмана» Оффенбаха, «Цыганский барон» Штрауса с новым текстом Шварцмана, балет «Виндзорские проказницы» и «Копеллия». Ряд возобновлений — в том числе такие спектакли, как «Дочь Анго» и «Травната».

Только творчески можно сейчас служить народу. Очистившим, ясным и строгим возникает сейчас искусство.